И.Ю. ОКУНЕВ*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАВОРИТИЗМ ПАРТИЙ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ¹

Аннотация. Задача данной работы – выявить явление географического фаворитизма в партиях и избирательных системах, заключающееся в степени склонности последних к территориальной дифференциации. На наш взгляд, это обязательный шаг на пути поиска способов учета степени пространственного искажения избирательной и партийной системами общественного выбора, что в перспективе должно дать возможность множественных сравнительных электорально-географических исследований. На основе анализа всех существующих избирательных систем делается вывод, что пропорциональные элементы сокращают потенциал географического фаворитизма избирательных систем, в то время как мажоритарные, наоборот, его усиливают. В статье избирательные системы распределены по уровню потенциального географического фаворитизма: самым высоким он оказывается в мажоритарных системах, а самым низким – в пропорциональных и с промежуточным средним уровнем, соответственно, – в полупропорциональных и преференциальных. Эффект географического фаворитизма в смешанных связанных (компенсаторных) системах близок к результату в пропорциональных системах с несколькими округами. В некомпенсаторных системах он определяется действием мажоритарного компонента. В работе элементы или свойства избирательных систем разделены на две категории: усиливающие или ослабляющие географический фаворитизм. Оценив количество присутствующих в конкретном избирательном законодательстве тех или иных элементов или свойств, можно сделать вывод о степени географического фаворитизма используемой в стране электоральной процедуры. Предложено два варианта расчета индекса географического

* **Окунев Игорь Юрьевич**, кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия), e-mail: iokunev@mgimo.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10004, <https://rscf.ru/project/19-78-10004/>

© Окунев И.Ю., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.04

фаворитизма, который необходим для сравнительного электорально-географического исследования, поскольку позволяет сравнивать результаты выборов без поправки на искажения ими регионального распределения голосов. Первый индекс скорее подойдет для анализа более сходных избирательных процессов – скажем, нескольких циклов в одном и том же государстве, а второй – для сравнения принципиально различающихся электоральных систем.

Ключевые слова: политическая география; электоральная география; партия; партийная система; избирательная система; географический фаворитизм.

Для цитирования: Окунев И.Ю. Географический фаворитизм партий и избирательных систем // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 90–106. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.04>

Местности могут различаться как по рельефу или типу растительности, т.е. быть пространственно неоднородными, так и по специфике голосования проживающих на них людей. Дифференциация пространства по признаку электоральных предпочтений жителей формирует электоральное пространство (или электоральный ландшафт) государства [Эволюция электорального ландшафта, 2005]. Многолетние исследования в данной сфере убедительно доказали, что существует корреляция между тем, где человек находится, и тем, как он голосует [Ахременко, 2007]. Повторение от цикла к циклу электоральных ориентаций жителей говорит о существовании электорально-географической устойчивости территории, что может использоваться при планировании будущих электоральных кампаний [Taylor, Johnston, 1979]. Например, электорально-географическое районирование позволяет выделить регионы сомневающихся избирателей, когда требуется направить больше усилий в ходе очередной избирательной кампании [Окунев, 2019].

При огромном числе электорально-географических описаний конкретных избирательных кампаний (сегодня даже тележурналисты не могут рассказать об исходе голосования без обращения к карте), в данной отрасли политической географии до сих пор чувствуется недостаток сравнительных, особенно межстрановых, исследований, а значит, и теоретико-методологических обобщений [Туровский, 1999].

На наш взгляд, у этого есть системное объяснение. Благодаря теореме Эрроу мы знаем, что ни одна избирательная система в мире по определению не может быть оптимальной, т.е. справедливо отражающей чаяния общества [Алескеров, Ортешук, 1995; Клима,

Ходж, 2007]. Другими словами, подбор и настройка избирательной системы для конкретного общества – это аналитическая задача, которая позволяет сделать это таким образом, чтобы недостатки электоральных процедур не стали губительными для общества. Территориальная организация избирательной системы является ее ключевым параметром, и, следовательно, от калибровки этого параметра зависит качество функционирования всей системы [Rae, 1971]. Другими словами, мы имеем дело с множеством избирательных и партийных систем, каждая из которых по-своему искажает общественный выбор. Очевидно, что задача сравнения таких уникальных избирательных и партийных систем, используемых зачастую только в одной стране, а то и только в конкретном электоральном цикле, становится трудно реализуемой.

Задача данной работы – определить явление географического фаворитизма в партиях и избирательных системах, заключающееся в степени склонности последних к территориальной дифференциации. На наш взгляд, это обязательный шаг на пути поиска способов учета степени пространственного искажения избирательной и партийной системами общественного выбора, что в перспективе должно дать возможность множественных сравнительных электорально-географических исследований.

Территориальная организация электорального ландшафта

Если основными объектами изучения политической географии являются такие элементы территориальной организации общества, как государства и их административно-территориальные единицы, то электоральная география имеет дело с особыми типами территориальных единиц: избирательными округами (electoral district) и избирательными участками (voting district) [Reynolds, Reilly, Ellis, 2008]. Это – качественно разные объекты: избирательный округ является единицей территориальной организации избирательной системы, а избирательный участок – единицей территориальной организации собственно государства (или региона).

Необходимость деления электоральной системы на избирательные округа возникает при потребности избрания нескольких представителей от общества (например, в парламент). В таком случае страну делят на территориальные единицы – избиратель-

ные округа, – каждый из которых избирает по одному либо по несколько представителей. Потребность же деления страны на избирательные участки не связана с особенностями избирательного процесса, а вытекает из физической невозможности организовать процесс волеизъявления в одном месте. Тогда страну делят на избирательные участки, к которым приписывают избирателей по месту жительства. При этом для организации избирательного процесса может создаваться иерархия электорального территориального деления страны: наряду с центральной избирательной комиссией существуют региональные, территориальные, местные и другие уровни, которые поступательно управляют избирательным процессом, проходящим на самом нижнем этаже этой иерархии – в избирательных участках. К электоральным участкам могут приписываться голоса и в экстерриториальных единицах (в зарубежных посольствах, военных базах, полярных станциях и т.д.).

Величина избирательного округа, таким образом, измеряется количеством избираемых, а участка – избирателей. Избирательный округ может быть одномандатным, если в нем жители избирают одного представителя, или многомандатным, если избирают сразу нескольких представителей. На практике чаще всего ограничиваются пятью-шестью мандатами в округе. Особый вид избирательного округа – единый (или национальный). Единый округ может быть одномандатным, который применяется, например, при выборах главы государства, когда вся страна выбирает одного представителя, или многомандатным, когда вся страна избирает парламент и общее число мандатов распределяется между партиями пропорционально числу голосов, полученных по стране в целом. Избиратель всегда приписан к одному, чаще всего ближайшему избирательному участку, при этом, придя туда в день голосования, он может обнаружить, что одновременно состоит в разных избирательных округах: например, за президента голосует по единому одномандатному округу со всей страной, а за депутатов парламента – по многомандатному округу, совпадающему с границами его региона.

В пропорциональных системах дихотомия выбора размера избирательного округа особенно рельефна. Чем больше округ, тем слабее искажается пропорциональность результатов распределения мандатов; но в то же время чем меньше округ, тем сильнее связь кандидата с избирателем. Отчасти эту проблему решают многоуровневые системы электоральных округов, используемые, в частности, в

Австрии, Болгарии, Дании и Швеции. Там на первом этапе большая часть мандатов распределяется в обычных многомандатных округах, а потом остатки добираются уже в едином многомандатном округе.

Закономерности территориальной неоднородности электорального пространства, таким образом, также можно изучать в двух плоскостях: через дифференциацию результатов голосования по избирательным округам или по избирательным участкам. При существовании дополнительных уровней иерархии электорального территориального деления страны (между центром и избирательными участками – регионального, территориального и т.д.), агрегирующих промежуточные данные, возможен также сравнительный анализ пространственного распределения электоральных предпочтений на этих уровнях [Окунев, 2020]. При этом следует учитывать следующие ограничения. Во-первых, сравнение данных между избирательными округами возможно только по партийной (или идеологической) принадлежности кандидата, потому что в разных избирательных округах будут разные кандидаты. И во-вторых, при существовании единого округа изучение территориальной неоднородности, соответственно, возможно только на уровнях электорального территориального деления.

Электоральные округа не всегда имеют территориальную привязку. Так, известны случаи выделения электоральных округов для соотечественников, проживающих за рубежом, этнических меньшинств и даже представителей юридических лиц (например, функциональные округа для представителей бизнеса в Гонконге или университетские округа для выпускников двух ведущих вузов в Ирландии).

Склонность к территориальной дифференциации политических партий

Ключевым организующим элементом электорального ландшафта являются политические партии, за которых избиратели голосуют на выборах и которые являются проводниками их воли в политическом процессе. Существует множество классификаций партий, основанных на их структуре, идеологической платформе и электоральной тактике [Исаев, 2016]. Для нас важнее будет развести их по наличию или отсутствию склонности к территориальной

дифференциации, т.е. неравномерному пространственному распределению электората, а значит и партийной структуры, и ее активности в предвыборный период (табл. 1).

Самый старый тип в генезисе формальных общественных объединений, борющихся за власть, – элитные (или кадровые) партии. В них, по сути, отсутствует организационная и территориальная структура и институт членов или сторонников партии. Такие партии выросли из политических клубов, когда закрытая группа единомышленников из числа нотаблей (аристократии или, реже, промышленников, финансистов, землевладельцев, военных, духовенства и т.д.) оформляла политическую структуру, которая и так обладала властью в стране, но теперь в ходе демократических процедур легитимизировалась в качестве псевдопредставительской от лица народа. Фактически на заре своего существования такая элитарная демократия была лишь симуляцией народовластия, когда власть так и продолжала оставаться в руках все той же элиты, однако теперь представлялась в качестве делегированной этой элите от общества [Rokkan, 1970].

Таблица 1

Территориальная дифференциация типов политических партий

Тип партий	Склонные к территориальной дифференциации	Не склонные к территориальной дифференциации
Элитные (кадровые)	Клиентелистские партии	Партии-комитеты (клубы)
Массовые	Плюралистические партии-секции	Протогегемонистские партии-ячейки и партии-милиции
Идентичностные	Региональные и этнические партии	Партии нелокализованных меньшинств
Электоралистские	Программные партии	Всеохватные партии
Постмодернистские	Партии-движения	Персоналистские партии

Элитные партии можно разделить на две категории по уровню их склонности к пространственной дифференциации. Классические кадровые партии с организационной структурой комитетов (клубов), выступающих управляющим ядром только на время избирательной кампании и легитимизирующих народную представительство уже наделенных властью нотаблей, конечно, не склонны к территориальной дифференциации, поскольку вообще не опосре-

дованы общественными настроениями. Примерами таких партий можно считать партии шляп и колпаков в Швеции в XVIII в. или вигов и тори в Великобритании в XIX в. Сегодня к ним с некоторой натяжкой, вероятно, можно отнести правящую партию «Народное действие» в Сингапуре. Другое дело – выросшие из такого рода клубов современные элитные клиентелистские партии. Они уже основаны на квазифеодальных патрон-клиентских отношениях между элитой и ее электоратом. Если огрубить: например, рабочие завода будут склонны проголосовать за владельца своего предприятия, а крестьяне – за своего землевладельца не в силу идеологического единодушия, а из-за чувства зависимости своей судьбы от успеха своего патрона. Такие партии будут, напротив, крайне подвержены территориальному фактору, потому что ареал их поддержки будет непосредственно привязан к географии хозяйственной деятельности патронов, а значит, и области проживания зависимой от этой элитной группы клиентелы. Классический пример клиентелистских движений – политические машины в XIX – первой половине XX в. в США, формировавшие систему зависимости выживаемости малоимущих слоев населения от нахождения у власти их эксплуататоров.

Вызов кадровым политическим клубам в конце XX в. бросили массовые партии – их полные противоположности [Дюверже, 2007]. Они стали результатом мобилизации в активный политический процесс новых классов, в первую очередь рабочих и крестьян. Функционирование таких партий не ограничивается предвыборным периодом, задачи агрегирования сторонников и артикуляции их интересов толкают такие структуры к регулярной деятельности даже в период между выборами и, как следствие, требуют институционализации массового членства и разветвленной организационно-территориальной структуры. У массовых партий появляется иерархия партийных управлений и низовых ячеек, профсоюзов, религиозных организаций, молодежных движений и других единиц.

По степени склонности к территориальной дифференциации массовые партии также дробятся на две подгруппы. Склонными можно считать массовые плюралистические партии, имеющие большую иерархическую структуру низовых секций, образованных по территориальному принципу. Именно такими были изначальные массовые партии, которые благодаря своей масштабности и многосоставности старались заполнить собой максимально широкое поле политической дискуссии в обществе, перенеся ее вовнутрь партии, в

полемику между ее секциями и организационными звеньями. В этом смысле массовые плюралистические партии оказываются крайне подвержены влиянию территориальной разнородности политических взглядов в обществе, потому что такая дифференциация отражается на их внутривнутрипартийных дебатах и в конечном счете влияет на избирательную платформу движения. Хрестоматийным примером здесь следует назвать партии христианских демократов в Западной Европе. Напротив, не склонными к территориальной дифференциации будут массовые протогогемонистские партии, в которых исповедуется доктринальность избранной идеологии, а массовость и разветвленность сети служит не для репрезентации интересов общества и внутренней ротации кадров и идей, а для мобилизации широкого слоя сторонников и выстраивания жесткой иерархии контроля за претворением в жизнь идеалов партии. В таких партиях на смену образованным по территориальному принципу секциям приходят ячейки, формируемые на предприятиях и в учреждениях и более жестко контролирующиеся различными аспектами поведения электората. В крайнем случае такая партия обрастает сетью милиций – полувоеннообразованных образований на низовом уровне с широкими насильственными функциями. Такими партиями были фашистские и нацистские движения в Италии и Германии, и, само собой, отсутствие в них плюрализма мнений не открывало возможностей для значимой территориальной дифференциации в уровне поддержки.

Особняком в типологии партий стоят объединения, основанные не на идеологическом принципе, а на идентичности своего электората – идентичностные партии. В первую очередь такие партии оказываются востребованы различного рода меньшинствами, для которых внутренние идеологические разногласия уступают необходимости консолидации для защиты прав ограниченной группы [Осколков, 2021]. Очевидно, что экстремально склонными к территориальной дифференциации окажутся региональные партии, представляющие интересы локализованных меньшинств (этнических, расовых, конфессиональных, культурных) или простого какого-то обособленного региона (Лига Севера в Италии). Идентичностные партии не всегда будут представлять только меньшинства: так, партии-конгрессы, основанные также на этноконфессиональном принципе, будут образованы вокруг доминирующего в стране большинства (Индийский национальный конгресс, Африканский национальный союз Кении, Национальный фронт Малай-

зии). Наоборот, менее подверженными влиянию территориального фактора станут партии нелокализованных меньшинств (евангелистов в Коста-Рике, эмигрантов-мухаджиров в Пакистане).

В современном мире на смену описанным ранее типам все чаще приходят новые виды политических объединений: электоралистские и постмодернистские партии [Партии и партийные ... , 2015]. Электоралистские партии не столько убеждают электорат в верности своей позиции, сколько пытаются предугадать в своей программе чаяния большинства избирателей. Они в большей степени ориентированы на избирательный успех, чем на ценностную стройность, и пытаются выражать идеологический компромисс, который разделяет большинство в обществе. Последнее приводит к тому, что электоралистские партии постоянно размывают свое идейное ядро (левые – правеют, а правые – левеют), становясь безыдейно центристскими. Такие партии условно делят на программные, которые в своей политической платформе пытаются отразить широкий компромисс (как, скажем, Республиканская партия в США), и всеохватные (catch-all), которые выстраивают свою кампанию от обратного, на антитезе взглядам программной партии, скажем, в лозунгах «мы не левые» или «мы не правые» (например, Демократическая партия в США). Несколько более склонными к территориальной дифференциации выступают электоралистские программные партии, поскольку они более четко отражают социальные размежевания в обществе.

Наконец, последней новацией стало появление постмодернистских партий, в первую очередь партий-движений: экологических (зеленых), антимигрантских, либертарианских, право- или левопопулистских и т.д. Такие организации не конкурируют с классическими партиями на идеологическом поле – они организывают свою политическую активность вокруг ключевых проблем общества, собирая поддержку за счет широкого резонанса в обществе, вызываемого теми или иными проблемами. Они оказываются в значительной степени подверженными территориальной дифференциации, поскольку степень вовлеченности электората в их проблематику сильно разнится от региона к региону. Менее подверженными территориальной дифференциации будут персоналистские партии, которые, как видно из названия, уходят от идейного самоопределения, сублимируя поддержку на фигуре своего лидера (скажем, ЛДПР в России – на В.В. Жириновском).

Географический фаворитизм избирательных систем

Избирательные системы распространены по миру крайне неравномерно [Любарев, 2016]. Наиболее точным будет сравнение их доли по выборам в обе палаты национальных парламентов. На мажоритарные системы приходится 42,5% случаев (в том числе 8% – на полупропорциональные, которые по факту тоже используют принцип большинства), на пропорциональные – 41%, а на смешанные и гибридные – 16,5%. При этом среди собственно видов избирательных систем лидируют пропорционально-списочные, которые присутствуют в 55,5% выборов (в 39,5% случаев в чистом виде и еще в 16% случаев в смешанном виде при соединении с одной из мажоритарных систем). Среди мажоритарных систем продолжает доминировать плюральная формула относительного большинства, используемая почти в каждом четвертом голосовании, еще в 7% случаев для определения победителя используют два тура и абсолютное большинство. Остальные системы являются скорее экзотическими исключениями.

Мажоритарную систему часто обвиняют в нерепрезентативности [Colomer, 2004], когда распределение мандатов не отражает реальной поддержки в обществе различных политических сил. Другими словами, плюральная система порождает существенную долю напрасных голосов, которые делятся на потерянные и избыточные. Так, на выборах в Лесото в 1998 г. партия Демократический конгресс при поддержке по стране в 61% получила 89% мест в парламенте, а Национальная партия Басото при поддержке в 24% населения получила только 1% мандатов. Как видно, партии, имеющие значительную поддержку в обществе, могут не получить в системе относительного большинства соответствующую долю мест в парламенте, отданные за них голоса в таком случае называют потерянными. Такая особенность зачастую приводит к эффекту сфабрикованного большинства, т.е. ситуации, когда партия, за которую проголосовало меньше половины избирателей, получает больше половины мандатов в парламенте. Так, на выборах в Государственную думу в 2003 г. Единая Россия набрала 37,6% голосов и получила 53,3% мандатов. Встречались даже ситуации электоральной инверсии, когда партия, получившая общее большинство голосов, в итоге проигрывала выборы. Так, в Белизе в 1993 г. Народная объединенная партия, получив 51,2% голосов,

заняла 13 из 29 мест в парламенте, в то время как Объединенная демократическая партия при результате в 48,7% выиграла 16 мандатов. Это произошло из-за того, что демократические голоса были более равномерно распределены по территории страны, в то время как народная партия получила поддержку со значительным отрывом в ограниченном числе округов. В этом смысле ее сверхподдержка тоже считается подкрепленной напрасными голосами, в данном случае называемыми избыточными.

Получается, что система относительного большинства страдает географическим фаворитизмом, что делает ее менее чувствительной к изменениям в общественном мнении и более зависимой от структуры географической нарезки страны на избирательные округа. Географический фаворитизм снижает транспарентность политической борьбы, поскольку приводит к стремлению партий разбить страну на безопасные округа, в которых их победа будет предопределена географией. Она потворствует двум типам политических партий, не получающим на выборах напрасные голоса, соответственно потерянные в одном типе и избыточные в другом. С одной стороны, это общенациональные партии с равномерным географическим распределением своих сторонников (без избыточных голосов) – в противовес партиям с широкой поддержкой, но сконцентрированной в отдельных районах. С другой стороны, это территориально сконцентрированные малые региональные или этнические партии, которые делают ставку на победу в своих региональных вотчинах и не допускают появления потерянных голосов в других регионах. Плюральная система, таким образом, ограничивает представительство именно территориально рассеянных меньшинств; более того, необходимость выбора партией в качестве кандидата в округе наиболее вероятного победителя сокращает возможность попадания в бюллетень представителей меньшинств.

Полупропорциональные системы также часто приводят к значительной непропорциональности, только усиливая географический фаворитизм плюрального принципа. Стремясь поддержать меньшинства, которые не могут преодолеть сито блокового вота, избирательное законодательство Маврикия (получившее название «системы лучших из проигравших»), например, предполагало выделение нескольких мандатов для кандидатов от меньшинств, которые получили наивысший процент среди непрошедших в многомандатном округе. В преференциальных системах, наоборот, как

бы нет потерянных голосов. Вместе с тем географический фаворитизм этой модели дает преимущества менее идеологизированным центристским силам в регионах с упорной борьбой крайних идеологических оппонентов.

Пропорциональный принцип, как правило, нивелирует географический фаворитизм мажоритарности: он не благоприятствует, как в системах большинства, крупным партиям только с равномерным территориальным распределением электората и малым партиям с устойчивыми региональными вотчинами. Более того, если мажоритарные системы выгодны только территориально обособленным меньшинствам, то в пропорциональных и небольшие партии с высокой территориальной дисперсией поддержки получают шанс пройти в парламент. В то же время пропорциональная формула хуже отражает территориально окрашенные запросы общества, скажем, сельских жителей в противовес городским, и соответственно хуже агрегирует региональные расколы в обществе.

Таблица 2

Уровень географического фаворитизма избирательных систем

Уровень географического фаворитизма	Тип избирательной системы	Примеры избирательных систем
Очень высокий	Мажоритарные однотуровые	– Относительного большинства – Партийно-блоковая
Высокий	Мажоритарные многотуровые	– Абсолютного большинства
Выше среднего	Полупропорциональные	– Блоковая – Единого передаваемого голоса – Фиксированной пропорции
Средний	Мажоритарно-преференциальные	– Мажоритарно-преференциальная
Ниже среднего	Пропорционально-преференциальные	– Единого передаваемого голоса
Низкий	Пропорциональные с несколькими округами	– Партийно-списочная с открытыми или свободными списками – Смешанная связанная (компенсаторная)
Очень низкий	Пропорциональные только с единым округом	– Партийно-списочная с закрытыми списками

Можно сделать вывод, что пропорциональные элементы сокращают потенциал географического фаворитизма избирательных систем, в то время как мажоритарные, наоборот, его усиливают.

В табл. 2 избирательные системы распределены нами по уровню потенциального географического фаворитизма: самым высоким он оказывается в мажоритарных системах, а самым низким – в пропорциональных и с промежуточным средним уровнем, соответственно в полупропорциональных и преференциальных. Эффект географического фаворитизма в смешанных связанных (компенсаторных) системах близок к результату в пропорциональных системах с несколькими округами. В некомпенсаторных системах он определяется действием мажоритарного компонента.

Таблица 3

Влияние элементов и свойств избирательных систем на географический фаворитизм

Усиливает географический фаворитизм	Ослабляет географический фаворитизм
Наличие региональных, этнических, религиозных партий	Запрет региональных, этнических, религиозных партий
Относительное или смешанное большинство	Абсолютное или квалифицированное большинство
Однотуровость	Перебаллотировки
Ограниченность вотума	Неограниченность вотума
Категорическое, одобрительное и неодобрительное голосование	Кумулятивное и преференциальное голосование
Уноминальность	Полиноминальность
Небольшие многомандатные округа	Единые и крупные многомандатные округа
Открытые, свободные и региональные списки	Закрытые списки
Фиксированная пропорция в мажоритарных системах	Фиксированный электоральный барьер в пропорциональных системах
Низкий электоральный барьер	Средний и высокий электоральный барьер
Одногосие	Многогосие
Непараллельность смешанных систем	Параллельность смешанных систем
Связанность смешанных систем (распределением мандатов или подсчетом голосов)	Несвязанность смешанных систем
Компенсаторность смешанных мажоритарных систем	Компенсаторность смешанных пропорциональных систем
Гибридность мажоритарных систем	Гибридность пропорциональных систем

В табл. 3 элементы или свойства избирательных систем разделены нами на две категории: усиливающие или ослабляющие географический фаворитизм. Оценив количество присутствующих в конкретном избирательном законодательстве тех или иных элементов или свойств, можно сделать вывод о степени географического фаворитизма используемой в стране электоральной процедуры.

Существуют различные способы оценки степени искажения избирательными системами общественных предпочтений – индексы диспропорциональности. Они основаны на разнице между процентом поддержки v_i партии i (из общего числа прошедших в парламент партий n) и долей полученных ею мандатов s_i .

Самые простые из них – индексы Лейпхарта и д’Ондта – просто отражают максимальную подобную разницу и минимальное отношение. Несколько более сложные варианты основаны на среднем отношении этих параметров. Недостатком индекса Рэ является его зависимость от числа партий, прошедших в парламент, когда малые партии могут исказить общую оценку. Поэтому в индексе Грофмана в качестве делителя используется эффективное число партий. Остальные индексы не зависят от общего числа партий. Наиболее точным среди них следует признать индекс Галлахера, основанный на среднеквадратическом отклонении [Голосов, 2018].

Важно отметить, что индексы диспропорциональности могут использоваться не только для анализа пропорциональных систем. В смешанных их можно применять на основе результатов по пропорциональной компоненте системы, а в мажоритарных через сумму голосов, поданных за кандидатов от одной партии.

Индексы диспропорциональности позволяют вычислять и средний уровень географического фаворитизма. Для этого необходимо поделить сумму индексов диспропорциональности на число анализируемых регионов страны (или многомандатных округов). Ниже представлены две возможные формулы индекса географического фаворитизма, основанные на индексах диспропорциональности Лейпхарта [Lijphart, 1994] и Галлахера [Gallacher, Mitchell, 2008], хотя для специфических задач исследования можно использовать и другие индексы.

$$\text{ИГФ1} = \frac{1}{m} \sum_{n=1}^m \max_{i=1, n} |v_i - s_i|$$

$$\text{ИГФ2} = \frac{1}{m} \sum_{n=1}^m \sqrt{\left(\frac{1}{2} \sum_{i=1}^n |v_i - s_i|^2 \right)},$$

где m – число анализируемых регионов страны (или многомандатных округов), n – число партий, получивших мандаты в отдельном регионе (многомандатном округе), v_i – процент поддержки партии i в отдельном регионе (многомандатном округе), s_i – доля полученных партией i мандатов в отдельном регионе (многомандатном округе).

Индекс географического фаворитизма необходим для сравнительного электорально-географического исследования, поскольку позволяет сравнивать результаты выборов без поправки на искажения ими регионального распределения голосов. Первый индекс скорее подойдет для анализа более сходных избирательных процессов, скажем, нескольких циклов в одном и том же государстве, а второй – для сравнения принципиально различающихся электоральных систем.

Любое сравнительное электорально-географическое исследование должно начинаться с оценки уровня географического фаворитизма избирательной и партийной системы, искажающего пространственное распределение общественного выбора. Подобная оценка может помочь нивелировать такое влияние при оценке электорального ландшафта, а значит, сделает сравнение валидным.

I. YU. Okunev*

Geographical favouritism of parties and electoral systems

Abstract. The task of this work is to identify the phenomenon of geographical favouritism in parties and electoral systems, which consists in the degree of the tendency of the latter to territorial differentiation. In our opinion, this is a mandatory step towards finding ways to take into account the degree of spatial distortion of the electoral and party systems of public choice, which in the future should enable multiple comparative electoral and geographical studies. Based on the analysis of all existing electoral systems, it is concluded that proportional elements reduce the potential of geographical favoritism of electoral systems, while majoritarian ones, on the contrary, strengthen it. In the article, electoral systems are distributed according to the level of potential geographical favoritism: it turns out to be the highest in majority systems, and the lowest in proportional and intermediate-average systems, respectively, in semi-proportional and preferential ones. The effect of geographical favouritism in mixed (compensatory) systems is close to the result in proportional systems with several dis-

* Okunev Igor, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: iokunev@mgimo.ru

tricts. In non-compensatory systems, it depends on the effect of the majoritarian component. In the work, the elements or properties of electoral systems are divided into two categories: those that strengthen or weaken geographical favouritism. Having estimated the number of certain elements or properties present in a particular electoral legislation, we can conclude about the degree of geographical favouritism of the electoral procedure used in the country. Two variants of calculating the index of geographical favouritism are proposed, which is necessary for comparative electoral-geographical research, since it allows comparing election results without correction for distortions of the regional distribution of votes. The first index is more suitable for analyzing more similar electoral processes, say, several cycles in the same state, and the second is for comparing fundamentally different electoral systems.

Keywords: political geography; electoral geography; party; party system; electoral system; geographical favouritism.

For citation: Okunev I. Yu. Geographical favouritism of parties and electoral systems. *Political science (RU)*. 2022, N 4, P. 90–106. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.04>

References

- Akhremenko A.S. *Structures of electoral space*. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2007, 320 p. (In Russ.)
- Aleskerov F.T., Orteshuk P. *Elections. Voting. Parties*. Moscow: Akademia, 1995, 208 p. (In Russ.)
- Colomer, J. *Handbook of electoral system choice*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004, 555 p.
- Duverger M. *Political parties*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2007, 544 p. (In Russ.)
- Gallacher M., Mitchell P. *The politics of electoral systems*. Oxford: Oxford university press, 2008, 237 p.
- Golosov G.V. *Comparative politics*. Saint Petersburg: EUSPb, 2018, 462 p. (In Russ.)
- Isaev B.A. *The theory of parties and party systems*. Moscow: Yurait, 2016, 370 p. (In Russ.)
- Klima R.E., Hodge J.K. *The mathematics of voting and elections*. Moscow: MTSMNO, 2007, 224 p. (In Russ.)
- Lijphart A. *Electoral systems and party systems: A study of twenty-seven democracies, 1945–1990*. Oxford: Oxford university press, 1994, 209 p.
- Lyubarev A.E. *Electoral systems: Russian and world experience*. Moscow: NLO, 2016, 632 p. (In Russ.)
- Makarenko B.I. (ed.). *Parties and party systems: current development trends*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015, 303 p. (In Russ.)
- Okunev I. Yu. *Basics of spatial analysis*. Moscow: Aspekt press, 2020, 255 p. (In Russ.)
- Okunev I. Yu. *Political geography*. Moscow: Aspekt press, 2019, 512 p. (In Russ.)
- Oskolkov P.V. *Essays on ethnic studies*. Moscow: Aspekt press, 2021, 176 p. (In Russ.)

- Rae D.W. *The political consequences of electoral laws*. New Haven: Yale university press, 1971, 209 p.
- Reynolds A., Reilly B., Ellis A. (eds). *Electoral system design: The new international IDEA handbook*. Stockholm: IDEA, 2008, 237 p.
- Rokkan, S. *Citizens, elections, parties: Approaches to the comparative study of the processes of development*. Oslo: Universitetsforlaget, 1970, 470 p.
- Sidorenko A.A. (ed). *The evolution of electoral landscape*. Moscow: KomKniga, 2005, 68 p. (In Russ.)
- Taylor P.J., Johnston R.J. *Geography of elections*. London: Penguin books, 1979, 528 p.
- Turovskiy R.F. *Political geography*. Smolensk: SGU, 1999, 381 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Алескерев Ф.Т., Ортешук П. Выборы. Голосование. Партии. – М.: Академия, 1995. – 208 с.
- Ахременко А.С. Структуры электорального пространства. – М.: Социально-политическая мысль, 2007. – 320 с.
- Голосов Г.В. Сравнительная политология. – СПб.: ЕУСПб, 2018. – 462 с.
- Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2007. – 544 с.
- Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем. – М.: Юрайт, 2016. – 370 с.
- Клима Р.Э., Ходж Дж. К. Математика выборов. – М.: МЦНМО, 2007. – 224 с.
- Любарев А.Е. Избирательные системы: российский и мировой опыт. – М.: НЛЮ, 2016. – 632 с.
- Окунев И.Ю. Основы пространственного анализа. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 255 с.
- Окунев И.Ю. Политическая география. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 512 с.
- Осколков П.В. Очерки по этнополологии. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 176 с.
- Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И. Макаренко [и др.]; под рук. Б.И. Макаренко. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 303 с.
- Туровский Р.Ф. Политическая география. – Смоленск: СГУ, 1999. – 381 с.
- Эволюция электорального ландшафта / под ред. А.А. Сидоренко. – М.: КомКнига, 2005. – 68 с.